Юность фронтовая

Инна Шепитько

SHOUT
SHARE
IT

- Инна Шепитько

Инна Шепитько
Юность фронтовая

Яркое зарево осветило незнакомую местность. И сразу же раздался противный вой разрывающейся бомбы, заглушивший все звуки вокруг. А Иван все бежал, бежал, задыхаясь от едкого дыма горящей земли, ничего не видя и не слыша вокруг. В парализованном от страха сознании билась всего одна мысль: быстрее выбраться из этого ада. Ноги подгибались, он падал, цепляясь за какую-то растительность, но тут же поднимался снова, чувствуя за спиной дыхание смерти.

— Ванька! Ложись! — вдруг услышал голос Васьки Карпенко, своего кореша, с которым рвались на фронт. Взрывная волна настигла его. Ноги подкосились, он упал, не зная, жив или уже мертв.

— Мама, мама!.. — успел крикнуть, и все померкло.

— Дедушка, дедушка, — Иван Григорьевич, услышав голос, открыл глаза. Внучка Света наклонилась над ним, смотрела испугано. Правая ее рука лежала на его руке.

— Дедушка, ты так страшно кричал: «Мама, мама», — я испугалась, думаю: кого ты зовешь…

Он поднялся, с трудом соображая, где он и как его внучка оказалась рядом. Наконец, окончательно проснувшись, протер глаза и уже спокойно пояснил:

— И тебя напугал. Это ж надо — сколько лет прошло после войны, а как наяву увидел тот самый страшный день своей жизни.

— Дедушка, расскажи, — пристала внучка.

— Ладно, Светочка, вечерком, когда управлюсь по хозяйству, сядем на лавочку под вишней, позову всех внуков. А то Оля, Марина и Сергей обидятся, что им не сказали.

Как только свечерело и косые лучи заходящего солнца упали на раскаленную за день землю, внуки, теперь уже все четверо, окружили своего деда-фронтовика, Ивана Григорьевича Кириленко.

— Пойдем, деда! Бросай свою работу. Мы тебе потом поможем.

Они сели в саду под вишней на широкую скамейку. Света и Оля, не сговариваясь, решительно заняли место рядом с дорогим дедушкой, но, заметив его легкое недовольство, тотчас же пропустили младших поближе.

Дети широко распахнутыми глазами смотрели на своего деда-героя, боясь пропустить хоть слово, но тот непривычно долго

молчал, словно боясь нарушить такими тревожными воспоминаниями мирную тишину летнего вечера.

— Шел 1939 год. На Западе сгущались черные тучи. Германия напала на Польшу. Через нашу станицу в западном направлении шли пешие колонны войск. Лошади тащили пушки и другое военное снаряжение. Нам тогда говорили, что это всего-навсего военные маневры, а на самом деле уже шла подготовка к войне.

Когда такие колонны красноармейцев останавливались на привал, мы с моим дружком Васькой Карпенко часто подходили к ним. Они угощали нас кашей из общего котла, рассказывали армейские истории. Нам было по тринадцать лет, и мы слушали их, затаив дыхание.

Я только восемь классов закончил, когда началась война. Пришло голодное, тяжелое время для всех. А летом 1942 года наши войска спешно отступили, а немцы прорвались со стороны Ростова и подошли к Староминской.

В станице наступила какая-то странная тишина. Все попрятались, кто куда. Только мы, подростки, еще не чувствовали страха, нам все было нипочем. Мы с Васькой, дружком, решили идти на разведку. На улице Красной, напротив райкома партии, росли огромные тополя. Я влез на один из них и занял наблюдательную позицию. Вдруг слышу рев мотоциклов. Прямо напротив меня остановился один мотоциклист. Наверное, увидел меня и начал целиться. У меня сердце в пятки ушло. Думаю: «Все, конец…»

Но тот чужеземный завоеватель почему-то не выстрелил. Скорее всего, рассмотрел, что на верхушке дерева почти ребенок, а не партизан. А может, вдруг жалость проснулась — и среди немцев были люди. Мотоциклисты — разведчики проехали по станице и вернулись, а потом несколько дней шли и шли колонны машин с оружием, солдатами. Какая-то часть их осталась в станице. Вместе с немцами вошли и румынские войска. Непрошенные гости расселились в домах станичников, выгнав хозяев в какие-то пристройки и сараюшки. У нас в доме остановился немецкий офицер с денщиком.

Мне в память врезалось два эпизода этой поры. Первый, когда наши войска вышли, а немцы еще не успели зайти. В станице началось безвластие, полная анархия. Что успели наши вывезти — вывезли, а то, что не успели — бросили: и магазины, и склады, и в колхозах скот некоторый. Кто пошустрей, стали сбивать замки и брать все, что можно было унести.

Мы с Васькой тоже начали бегать, высматривать, где что плохо лежит. А в центре находилась библиотека, и кто-то уже замки сорвал — знали, что немцы зайдут, все уничтожат. Мы

пробрались туда, смотрим: тома Ленина, Сталина. Притащили мы тележку, давай грузить. У Васьки на огороде выкопали яму, обложили ее ветошью, чтоб книги не попрели, не намокли, все уложили и накрыли. Мысли у нас были такие:

— Пока немцы здесь будут стоять, а неизвестно, сколько они пробудут, а мы сможем читать такие важные книги на русском языке.

— И читали, дедушка, вы эти книги? — подал голос молчавший до сих пор Сергей.

— Мы собирались почитать, так в доме же немец жил. И страшно было приносить такие книги в дом. А потом, когда немцев прогнали, так много всего произошло, что мы не успели их прочитать.

Ну, а другой случай такой был, — не спеша, рассказывал Иван Григорьевич. — Я уже сказал, что в колхозах много всякой скотины разбежалось по округе. Мы с Васькой как-то по полям лазили, искали какой-нибудь провиант, и наткнулись на двух лошадей. Они паслись в поле. Мы, выросшие в сельской местности, умели обходиться со всякой живностью, и, поймав степных красавцев, привели к Ваське домой. У него во дворе стоял большой сарай.

А потом, когда немцы в станице стояли, кто-то, наверное, сказал про лошадей. А может, они и сами увидели. Немцы пришли к Ваське, а мы как раз возле них возимся, кормим. Немцы меня на лошадь посадили и ударили ее кнутом. Лошадь встала на дыбы и понесла. Но сумел я справиться с ней, за станицей становил. Лошадь бросил, а сам тихонько в темноте домой пробрался. А дома уже паника. Матери кто-то сказал, что я на лошади проскакал, она плачет. Не чаяла уже меня живым увидеть.

Но самое страшное во время оккупации было то, что мы, подростки, вынуждены были прятаться, чтоб не угнали в Германию. Особенно ночами боялись спать в доме — часто были облавы. Вылавливали и сразу забирали. Приходилось спать то в сарае, то на чердаке — холодно, голодно, но зато у себя на Родине.

Иван Григорьевич замолчал. Внуки сидели тихо, боясь пропустить хоть слово. В саду на ветке пела птичка. Так спокойно и радостно было на душе. Подумалось: «Хотя бы внукам и правнукам не довелось пережить таких страшных времен, какие выпали на его долю».

Сделав небольшую паузу, он продолжал:

— Начался 1943 год. Наши Советские войска молниеносным ударом совершенно неожиданно для немцев освободили Кубань.

Некоторые из них не успели даже убежать, и мы, пацаны, помогали вылавливать фрицев.

Сразу же после освобождения станицы возобновились занятия в школе. Только-только мы стали с Васькой и Сашкой Прусом догонять школьную программу, как к нам в класс пришел военком и вручил пятерым хлопцам повестки. В том числе мне и Ваське. Как раз на Пасху, 23 апреля, был назначен день отправления.

С утра нас собрали в парке. Военком произнес напутственную речь, и мы колонной, пешком, направились в сторону Кущевской. За плечами у каждого — мешок с картошкой, хлебом. С нами вместе шла колонна взрослых, и среди них был и мой отец. Ему было около пятидесяти лет, это был последний призывной год.

Иван Григорьевич опять сделал паузу, чуть передохнул. Внуки ждали. Наконец Марина не выдержала:

— Дедушка, ну рассказывай же, что было дальше.

— Мы шли с отцом в разных колоннах, а мама, плача, подбегала то ко мне, то опять к нему, и снова в том же порядке. Рядом шли мои товарищи, и я стеснялся, уговаривал ее идти домой или с отцом. Но она не слушала меня, снова подбегала, обнимала, плача:

— Ванечка, куда хоть тебя забирают? Ты ж еще ребенок!

А мне тогда еще и семнадцать не исполнилось.

Я ее успокаивал, говорил, что мы через месяц вернемся, что война скоро закончится. Это позже, понюхав пороха, узнав, почем фунт лиха, я понял, каково ей было: не имея вестей от двух старших сыновей, провожать одновременно несовершеннолетнего сына и немолодого мужа на фронт, а самой остаться с четырьмя детьми мал мала меньше…

— До Кущевской мы целый день шли пешком — никакого транспорта нам не дали. А там, прямо на сборном пункте, попадали в изнеможении в теплушках. Пройти за день сорок километров для новобранцев не так-то просто! Ночью поезд с новобранцами тронулся — нас повезли на Кавказ. Командир предупредил и нас, и машиниста: в случае налета немецкой авиации поезд останавливается, а мы должны разбежаться в разные стороны.

— Эту ночь я не забуду никогда, — Иван Григорьевич задумался. — Я сразу повзрослел на десять лет, впервые так близко увидев смерть. Несколько раз за ночь, заслышав гул самолета, мы на полном ходу выскакивали из теплушек и бежали, куда глаза глядят. Ночью, как водится, глаза от страха велики. Рядом рвались снаряды, падали бомбы, но поезд наш шел благополучно.

После каждого такого налета мы подолгу ждали, когда все соберутся, пересчитывали всех. Машинист давал призывной гудок, чтоб быстрей собрать новобранцев.

Не доезжая станицы Новолеушковской, поезд остановился, мы повыскакивали из вагонов и увидели страшное зрелище: разбитые горящие вагоны, разорванные тела людей, горящие здесь же, в вагонах. Стоны, крики и призывы о помощи. Рядом стояли машины — и санитарные, и военные. Медсестры и солдаты пытались вытащить раненых из огня. Все метались, кричали, стонали… Мы тоже пытались помочь, но нас, в первый раз видевших столько крови, столько человеческого несчастья, самих нужно было приводить в чувство.

Воспоминания нахлынули на ветерана, всколыхнув в памяти все ужасы того первого, страшного дня. Он впал в какое-то минутное оцепенение, на какое-то время даже забыв о внуках, которые сидели тихо, боясь пропустить хоть слово. Иван Григорьевич был любящим отцом и дедом, но вместе с тем и строгим. И сыновья, а теперь и внуки относились к нему и бабушке с уважением и, как сейчас совсем не модно говорить, с почтением. Поэтому, увидев деда в глубокой задумчивости, они терпеливо ждали, когда же он продолжит свой рассказ. А он все сидел и сидел, углубившись в себя: та первая, глубокая боль не отпускала до сих пор.

Тогда, после той первой пережитой трагедии, он понял страдания своей матери, проводившей на фронт старших сыновей и мужа, понял всю наивность своих мыслей по поводу быстрого окончания войны. Сколько народу полегло на бесконечных военных дорогах. Сколько молодых жизней, не вкусивших радостей земного бытия, не успевших оставить свой след в летописи войны, погибли.

Иван Григорьевич тогда впервые задумался о том, как хрупка человеческая жизнь, и стал больше ценить свою, и чужую. Может быть, открывшаяся тогда ему истина и стала отправной точкой в выборе профессии? Всю свою жизнь он пытался защищать человеческую жизнь и достоинство от всевозможных посягательств.

Голос Сергея вывел его из глубокой задумчивости:

— Дедушка, рассказывай дальше, — попросил внук.

— Мы приехали в Невинномыск. По пути туда еще не раз выскакивали из вагонов, как только слышали где-то гул самолетов. Там я увидел своего отца: как оказалось, мы с ним ехали в одном составе, но разных вагонах. Обнялись. Постояли, прощаясь. Тревога сжимала сердце. Я отдавал себе отчет в том, что мы можем больше никогда не увидеться. Он поехал на фронт,

а что ждет нас, вчерашних пацанов, только пару дней назад игравших в детские игры, мы не знали.

Нас привезли в станицу Солдатскую. Здесь собрались военные от разных родов войск. Начался отбор. Одних взяли в артиллерию, других — в конницу. А что делать с нами, никто не знал.

Я был тогда еще маленьким, угловатым подростком. Сказалось и недоедание последних двух лет. До вечера такие же, как я, подростки просидели здесь. Еда у нас закончилась, а нас еще никуда не приписали и потому не кормили. Несколько таких невостребованных станичников собрались и убежали домой. Но не успели они доехать до дома, как военкомат передал сведения о них в станицу. Их снова собрали и отправили назад.

До вечера решалась наша судьба, а потом пришел представитель военкомата и сообщил, что нас оставляют здесь на обучение до принятия присяги.

Голодные, уставшие, мы спросили:

— А где же нам располагаться?

— А вот коровник рядом, обстраивайтесь, делайте себе лежаки.

Нам выдали наволочки, матрацы, мы набили их соломой. Получилось неплохо. Шинелями укрывались. Недалеко был лес. Мы каждый день бегали восемь километров в одну сторону, и столько же назад. Это такая своеобразная физзарядка. Из лесу приносили лозу, пеньки и обустраивались. Два месяца нас муштровали, а потом мы приняли присягу и поехали на фронт.

Мой дружок Васька Карпенко был смышленый малый. Чем-то он приглянулся командиру, и тот взял его денщиком. Васька на учениях с нами не занимался, он выполнял свои нехитрые обязанности. Когда выпадала свободная минутка, я бегал к нему, и он, дружок и земляк, старался меня подкормить, дать лакомый кусочек.

После присяги наши пути разошлись. Он остался с командиром, а мы поехали на фронт. И уже после войны от Сашки Пруса я узнал, что мой лучший друг Васька Карпенко погиб.

Иван Григорьевич поднялся. Внуки с ожиданием смотрели на него.

— На сегодня воспоминаний хватит. Завтра вечерком продолжим, если будете слушаться.

Внуки готовы были слушать всю ночь, но они видели, что деду эти воспоминания даются не очень легко. Он ушел, а они еще долго обсуждали услышанное.

— Как это можно было в коровнике жить? — Первой

нарушила молчание Оля.

— Это же на войне, — серьезно ответил ей Сергей, как будто ему самому приходилось жить в подобных условиях.

— Наверное, раньше люди были какие-то другие, закаленные, выносливые, — сделала вывод Света, самая старшая внучка. — Они с детства работали, терпели голод и лишения. А я вот думаю, если б нам вдруг выпали такие испытания — смогли бы мы их выдержать?

— Кто-то бы смог — самые сильные, а остальные просто бы погибли, — в тон двоюродной сестре сказал Сергей. — Значит, для того, чтоб выжить в экстремальных ситуациях, необходимо готовить себя к ним с детства, — добавила Оля.

… Иван Григорьевич ворочался с боку на бок, а сон все не шел. Растревоженный воспоминаниями мозг как в немом кино продолжал сменять одни кадры другими.

Вот они идут по выжженному жестокими сражениями полю битвы под Сталинградом. Уже конец весны, но изрытая, выжженая земля мертва и пустынна. Окопы, размытые весенними водами, еще хранят свои зловещие тайны. На дне одного из них на коленях стоит молодой лейтенант. Он был молод. Может, это был его первый бой. В кармане его гимнастерки нашли комсомольский билет, простреленный пулей. Эта пуля легко вошла в сердце, и оно перестало биться. Где-то его ждала мать, а может, и любимая. Они еще надеются, что он жив и здоров. А он стоит на коленях на дне траншеи, как стоял во время сражения, или как успел упасть с простреленным сердцем.

Уже месяцы прошли после исторической Сталинградской битвы, а многие ее участники все еще лежат на поле битвы, так и не обретя вечного упокоения. Этот молодой защитник Отечества к чему-то стремился. Может, он мечтал стать генералом. А может, оставшись в живых, захотел стать историком и передать будущим поколениям правду обо всех ужасах войны, чтоб предостеречь от их повторения. Но ему не довелось сделать этого. Его мечту осуществят другие — те, кому суждено выжить в этой войне…

Вечер следующего дня внуки ждали с еще большим нетерпением, чем предыдущий. Им не терпелось услышать продолжение рассказа.

— Прислушайтесь, какая тишина! Но вот где-то залаяла собака, вдалеке замычала корова. Это все звуки мирной жизни. А на войне тишина другая — жуткая. Она — как предвестник чего-то страшного, — рассказывает бывший фронтовик. — После принятия присяги нас направили в Сталинград. Бои там закончились уже несколько месяцев назад. Подъезжаем мы и видим: выжженное поле, изрытое траншеями, развороченное

бомбами.

Начальник эшелона приказал остановить состав, все вышли из эшелона. Мы прошли на линию немецкой обороны, а там — тысячи неубранных трупов. Они начали разлагаться. По всему полю — разбитые, развороченные орудия и танки. Здесь все еще хранило следы тех жестоких боев.

Потом нас повели на наши передовые рубежи — картина примерно такая же.

Мы обошли траншеи и извлекли немало трупов солдат и офицеров. На линии нашей обороны стояли немецкие танки, и наши, русские, со свернутыми орудийными стволами. Все говорило о том, что бой здесь шел не на жизнь, а на смерть.

Мы выполнили поставленную задачу, вынесли тела убитых, собрали документы у всех, у кого они были. Потом тем же поездом нас повезли к Сталинграду.

Город был разрушен до основания. Торчали из земли трубы да обгоревшие, разрушенные стены домов. Нас перебросили в район Сарента и определили в аэростатный дивизион.

— А что это такое? — подал голос Сергей.

— Наша задача состояла в том, что мы должны были поднимать в небо стальные тросы длиной до километра. У нас были огромные надувные аэростаты — как цистерны с бензином на вокзале. Эти надувные аэростаты держали в воздухе стальные тросы, причем, не один, а много. Это создавало линию заграждения для немецкой авиации. Они не могли подлететь близко и сбросить бомбу. Здесь был наш тыл: снаряжение, оружие, продовольствие.

А в ноябре 1943 года по приказу Сталина наш дивизион направили на Северный флот, в город Архангельск. В этот морской порт поступало от союзников снаряжение, оружие, продовольствие. По всему фронту были созданы дивизии, полки. Зенитные батареи, такие, как наша, охраняли небо от налетов. Когда мы приехали в Архангельск, увидели, что весь город разбит, узнали, что он постоянно подвергается бомбежкам.

В порту находились огромные склады, туда днем и ночью заезжали и выезжали машины. Одни завозили продовольствие, другие загружались и увозили его на фронт. В одних складах стояли ящики с консервами, салом, в других — мукой, сахаром, крупой. Здесь же хранилось оружие, боеприпасы, обмундирование, словом, все, что поступало из тыла.

Все это продовольствие, снаряжение получали по морю. На нашем пароходе «Марина Роскова», названном в честь летчицы, везли в порт сахар. Немцы сбросили бомбу и потопили пароход. Вода вблизи берега стала сладкой.

Наша зенитная батарея была снаряжена приборами ночного видения. Жили мы здесь же, в землянках. Нам выдали теплое обмундирование, валенки. Как только звучал сигнал тревоги и команда: «Приготовиться к бою!» — мы выскакивали и открывали огонь по немецким самолетам.

Запомнился мне один эпизод той боевой поры. Однажды немецкий самолет как-то прорвался сквозь линию обороны и сбросил бомбу вблизи нашего орудия. Я говорю — наше орудие, потому что со мной, в одном орудийном расчете, был мой земляк Алексей Павлович Чепурной. Мы с ним вместе призывались на фронт, вместе нас везли тогда от Кущевской до Солдатской. И на подготовке мы были вместе, и присягу принимали. И в Сталинграде в аэростатном дивизионе с ним воевали, и в Архангельске в одном орудийном расчете были. В 1978 году, когда дивизия собиралась на встречу в Сталинград, а потом в Архангельск, я ездил с вашей бабушкой, и он со своей супругой.

Так вот, наше орудие не пострадало — оно было закопано в землю. Приборы наведения были прикрыты. Мы выскочили, готовы стрелять, а куда стрелять — не знаем. А в центре батареи стоял прибор, и обслуживали его девушки-зенитчицы. Они плохо окопались, и взрывной волной их унесло вместе с прибором. Мы ждем, что они нам данные передадут, а они молчат. И тогда мы стали наугад стрелять по самолету. Только потом, позже, мы сообща установили их прибор, и они передали нам данные о полете самолета. Девушки те все остались живы, и когда после войны мы встречались с ветеранами в Сталинграде, они тоже приезжали.

А когда немцев отогнали на запад, нас перебросили в Мурманск, там мы учились в полковой школе. Война уже шла к концу. После учебы нас должны были перебросить на фронт. В один из дней я стоял на посту и вдруг потерял сознание. Меня сразу же отвезли в Мурманск, в военный госпиталь. Оказалось, что у меня обострилась язва. Сразу же, без наркоза, мне сделали операцию — сначала решили, что это аппендицит, а оказалось все гораздо сложнее. А после госпиталя комиссовали, и я вернулся домой, в станицу. Так что День Победы праздновал в кругу своей семьи.

— Дедушка, а ты убил хоть одного немца? — спросила Оля.

— Мне довелось служить в противовоздушной обороне, и потому я не видел прямо перед собой врага. Не видел, как он падал, сраженный пулей. Но мы сбивали немецкие самолеты, в основном бомбардировщики, и наблюдали, как они падали и взрывались.

— Дедушка, а страшно было на войне? — подала голос

Марина.

Иван Григорьевич задумался. Сказать внукам, что не страшно — будет ложью.

— Сразу было страшно, а потом привык. Так уж устроен человек, постепенно ко всему привыкает: и к страданиям, и к виду смерти. Черствеет душой. И воспринимаешь войну как тяжелую работу. Но вам, своим внукам, я хочу пожелать мирной жизни. Чтоб об ужасах той последней войны вы узнавали из книг и фильмов.